

ЗВЁЗДЫ И ТЕНИ
ЭЛАРИОНА

— ИЗГНАННЫЙ —

18+

Александр Ремез

Звёзды и тени

Элариона: Изгнанный

<https://litres.ru/74436968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двести лет Кирито скитался среди людей, скрывая свою природу — красные глаза, светящиеся руны, силу, пугающую даже смелых. Он менял города, имена, лица. Он пытался быть человеком. Но каждый раз его изгоняли, называли демоном. Он потерял всех, кого любил.

Уставший и сломленный, он уходит в Дикие земли. Там он встречает Акиру — воровку, изгнанницу, которая не боится его красных глаз. Она первая за двести лет, кто смотрит на него без ужаса.

Вместе они создают Город Изгнанных — убежище для полудемонов, сбегавших рабов, бандитов, которым некуда идти. Кирито становится их диктатором. Железная дисциплина, суровые законы, справедливость без пощады.

Но мир не может простить существования того, чего не понимает. Армия лордов идёт на Город Изгнанных. Две тысячи против двухсот. Битва, которая решит их судьбу.

«Изгнанный» — история о том, как изгои становятся силой, страх превращается в дисциплину, а одиночество — в империю. История об антагонисте, которого создал сам мир.

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. ПРОЯВЛЕНИЕ	8
ГЛАВА 2. ДИКИЕ ЗЕМЛИ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Ремез

Звёзды и тени

Элариона: Изгнанный

Пролог

Мир Элариона не был создан в один день. Он родился в муках, в сплетении магии и хаоса, когда древние боги — не добрые и не злые, а просто сущие — ткали реальность из первородной тьмы и небесного света. Говорят, первым был Ремес — тот, чьё имя нельзя произносить вслух, но можно чувствовать в глубине вещей. Он не создавал мир, но он стал его основой, его тенью, его дыханием. От него пошли все боги, и от него же пошла тьма, которую люди называли Мраком.

Но люди не знают всей правды. Они верят в пантеоны, в Громвера и Судиславу, в Велнора и Сварожита. Они строят храмы, приносят жертвы, молятся о дожде и урожае, о победе в войне и спасении души. Они верят, что боги слышат их. Они верят, что боги добры. А если они не добры — значит, люди согрешили.

Но есть те, кто не верит. Те, кто видел иное. Те, кто рождён на границе миров, где законы богов не властны, а магия

течёт свободно и хаотично. Это место называют Перекрёстком Миров. Там нет ни добра, ни зла — только бесконечное течение энергий. Там рождаются существа, которых люди называют демонами. А иногда — те, кто становится чем-то большим.

Эларион — мир контрастов. На севере, в королевстве Дракенхольм, мужчины рождаются с мечом в руке и всю жизнь готовятся к войне с драконами, которых уже никто не видел. На юге, в Лориэнне, возвышаются башни величайшей библиотеки континента, где эльфы и люди хранят знания, добытые ценой тысяч жизней. На западе, в Вечной Заре, солнце никогда не заходит над храмами культа Светодара, а жрецы лечат проклятых и изгоняют тени. На востоке, в степях Фенрикара, шаманы говорят с духами ветра и пьют кровь диких коней.

В центре мира лежит королевство Ваданд. Оно не самое богатое и не самое сильное. Но оно самое человеческое. Здесь живут крестьяне, торговцы, ремесленники, маги и аристократы. Здесь бьётся сердце цивилизации. Здесь решают судьбы народов и казнят тех, кто не вписывается в установленный порядок.

А в самом сердце Ваданда, его столице Ваданоре, находится Магическая академия — оплот знаний и силы. Там учат юных магов подчинять стихии. Там же выносят приговоры тем, кто посмел использовать запретную магию. Там же плетут интриги, которые определяют будущее всего континента.

Вокруг Ваданда, на границе с Дикими землями, живут те, кого мир отверг. Полудемоны — потомки людей и демонов, рождённые в местах, где границы реальности истончены. Их боятся, ненавидят, убивают. Они прячутся в лесах, болотах и горах, не смея показаться на глаза людям. Они — изгои. И они ждут того, кто поведёт их за собой.

Дикие земли за пределами королевств — это место, где магия течёт свободно. Там обитают духи стихий, древние демоны и магические звери. Там нет законов, кроме закона силы. Там находят приют те, кому некуда больше идти.

Но есть и другое место. Место, которое не нанесено на карты. Перекрёсток Миров. Там, где границы реальности тонки, как паутина, рождаются существа, не принадлежащие ни одному миру. Некоторые из них становятся демонами. Некоторые — людьми. Но есть те, кто становится чем-то иным. Те, кто видит правду. Те, кто не верит ни в добро, ни в зло.

Один из них появился на Перекрёстке двести лет назад.

Он не знал, кто он. Не знал, зачем он здесь. Не знал, есть ли у него душа. Он просто шёл. Через миры. Через времена. Через смерть и жизнь.

Его зовут Кирито.

Он — Изгнанный.

ГЛАВА 1. ПРОЯВЛЕНИЕ

Перекрёсток Миров не знал времени. Здесь не было ни утра, ни вечера, ни дня, ни ночи — только бесконечное мерцание магических потоков, которые текли сквозь пустоту, сплетаясь и расплетаясь в причудливые узоры. Здесь, на стыке реальностей, где законы физики теряли смысл, а время текло вспять или не текло вовсе, рождались и умирали миры, как пузыри на поверхности кипящей воды. Семь магических потоков сплетались в причудливый узор — каждый имел свой цвет, свою текстуру, свой голос. Один струился, как расплавленное серебро, другой пульсировал багровыми волнами, третий звенел, словно хрустальные нити, четвёртый был тягучим, как мёд, пятый — колючим, как иглы, шестой пах грозой, седьмой — могильной сыростью.

И в этом хаосе, в этом бесконечном танце света и тьмы, магии и пустоты, зародилось нечто новое.

Сначала это был просто сгусток энергии — едва заметная искра среди буйства магических потоков. Искра пульсировала, набирала силу, впитывала в себя цвета и звуки Перекрёстка. Из серебряного течения она взяла форму, из багрового — силу, из изумрудного — память. Каждый поток добавлял что-то своё, словно невидимые мастера ткали полотно новой жизни. Никто не знал, кто создал эту искру — может быть, сами потоки, может быть, древняя воля Ремесла,

может быть, случайность, которая бывает только на границе миров.

Искра росла. Она начала обретать очертания — сначала смутные, расплывчатые, как отражение в мутной воде. Затем контуры стали чёткими: руки, ноги, голова, тело. Плоть возникала из магии, кости формировались из света, кровь рождалась из тени. Это было мучительно — каждая клетка тела создавалась заново, проходя через состояние между жизнью и смертью. Существо корчилось в агонии рождения, но не могло издать ни звука — голосовые связки ещё не сформировались. Оно не знало боли, потому что не знало ничего. Но оно чувствовало, как что-то внутри него собирается воедино, как пустота заполняется смыслом.

Первым проявилось лицо. Оно было бледным, почти белым, с острыми скулами и тонкими чертами — нечеловечески красивое и пугающе чужое. Глаза открылись раньше, чем сформировалось всё остальное: ярко-красные, с вертикальными зрачками, они смотрели в пустоту с выражением чистого непонимания. Эти глаза видели то, что скрыто от смертных — структуру магии, переплетение миров, тени между реальностями. Они видели рождение и смерть одновременно, прошлое и будущее в одном мгновении. Они видели, как умирает звезда за триллион лет до того, как её свет достигнет Перекрёстка.

Затем проступили руны. Они появились на коже — сначала на руках, затем на шее, груди, спине. Тонкие линии,

изгибающиеся в сложные узоры, мерцали разными цветами: бледно-голубым, огненно-оранжевым, глубоким фиолетовым, почти чёрным. Руны пульсировали в такт магическим потокам вокруг, будто дышали вместе с Перекрёстком. Каждая руна несла в себе фрагмент знания — о мире, о магии, о том, как устроена реальность. Но сознание существа было ещё слишком юным, чтобы расшифровать эти знания. Они лежали в нём, как семена, которые ждали своего часа, чтобы прорасти.

Когда тело полностью сформировалось, оно упало на невидимую поверхность — не землю, не камень, не воду, а что-то среднее, что держало его, но не давало опоры. Существо лежало на границе миров, содрогаясь от первого дыхания, которое было больше похоже на судорожный вздох утопающего. Лёгкие наполнились воздухом, который не был воздухом — смесью магии и эфира, которая обжигала горло, но давала жизнь. Каждый вдох был мукой, и каждый выдох был облегчением.

Он открыл глаза и увидел небо, которого не существует ни в одном из миров. Лиловые всполохи переплетались с изумрудными лентами, по краям мерцали золотистые искры, а где-то вдалеке, за пределами видимого, гремел гром — или, возможно, смеялись боги. Воздух дрожал от шёпота древних языков, которые невозможно было понять, но можно было почувствовать кожей. Это были не слова — это были эмоции, воспоминания, отголоски событий, произошедших в мирах,

о которых никто никогда не узнает. Кто-то плакал в этом шёпоте. Кто-то смеялся. Кто-то умирал и рождался одновременно. Кто-то любил и ненавидел. Кто-то прощал и проклинал.

Существо лежало и смотрело в это небо. Оно не знало, кто оно. Не знало, зачем оно здесь. Не знало, есть ли у него душа. Оно чувствовало только пустоту — бесконечную, всепоглощающую пустоту внутри, которую нужно было чем-то заполнить. Жизнью? Смертью? Любовью? Ненавистью? Оно не знало. Оно чувствовало только, что оно — нечто, что существует, и этого было достаточно.

Оно знало только одно: оно должно идти.

Куда — оно не знало. Зачем — оно не знало. Но тёплое течение, которое коснулось его спины, мягко подталкивало его вперёд, к едва заметной серебристой нити, ведущей прочь от Перекрёстка. Нить пульсировала, как живая, и манила его, обещая новый мир, новый опыт, новую жизнь. Существо чувствовало, что эта нить — его единственная связь с чем-то реальным.

Существо поднялось на ноги. Это было тяжело — тело не слушалось, ноги дрожали, руки тряслись. Каждый мускул болел, каждая кость ныла, будто его создавали заново прямо сейчас. Но оно встало. Сделало первый шаг. Второй. Третий. Походка была неуклюжей, как у новорождённого оленёнка, но с каждым шагом она становилась увереннее. Нить вела его вперёд, и он шёл за ней, не зная, что ждёт его в конце.

И пошло, куда вела нить. В мир людей. В мир, который не был готов принять его.

Первый город Кирито запомнил навсегда. Он появился на опушке леса, когда солнце только начинало подниматься над горизонтом, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Лес был обычным — сосны, берёзы, дубы, трава, птицы. Воздух пах хвоей и землёй. Ничего необычного. Никакой магии. Никаких потоков, никакой пульсации — только тишина, которая казалась оглушительной после Перекрёстка. Он стоял на краю леса, вдыхая этот запах, и чувствовал, как что-то внутри него успокаивается.

Кирито стоял на краю леса и смотрел на долину внизу. Там, среди холмов, виднелся город. Небольшое поселение — деревянные дома с соломенными крышами, церковь на холме, поля, засеянные пшеницей, пасущиеся овцы. Обычный человеческий город. Таких тысячи по всему Элариону. Дым из труб, лай собак, крики петухов, далёкий звон колокола — всё это казалось ему одновременно чужим и родным.

Он не знал, как его зовут. Он придумал имя сам — Кирито. Оно пришло к нему из ниоткуда, как и всё остальное. Возможно, это имя принадлежало кому-то другому, в другом мире, в другое время. Возможно, оно ничего не значило. Но Кирито чувствовал, что это имя — его. Что оно правильно резонирует с его сутью, с его природой.

Он пошёл вниз, к городу. Ноги слушались лучше, чем раньше. Он учился ходить, дышать, двигаться — как ребё-

нок, который впервые учится ползать. Но он не был ребёнком. Он был чем-то другим. Чем-то древним и новым одновременно, чем-то, что не вписывалось ни в одну категорию этого мира.

Когда он подошёл к городским воротам, стража остановила его. Двое мужчин в кожаных доспехах, с короткими мечами на поясах, смотрели на него с подозрением. Один из них, с рыжей бородой и шрамом через всю щёку, сплюнул на землю и спросил:

— *«Ты кто? Откуда идёшь? Выглядишь странно. Слишком бледный. Слишком чужой»*

Киrito открыл рот, чтобы ответить. Слова не шли. Он никогда не говорил раньше. Он не знал, как. Язык не слушался, горло сжималось, звуки не рождались.

— *«Эй, парень, ты немой?»* — усмехнулся второй стражник, молодой, с веснушками и рыжими, как у лисы, волосами.

Киrito попытался снова. Слова родились где-то глубоко в горле, прорезая голосовые связки, которые никогда не использовались. Это было больно — как будто он глотал осколки стекла. Но он сказал:

— *«Я... путник. Я ищу приют»*

Голос был странным — низким, с лёгкой хрипотцой, и в нём звучало что-то чужое, нечеловеческое, металлическое, как звон клинка о камень. Но стражники не заметили. Или не захотели заметить.

— «*Проходи, — махнул рукой старший. — Но если будешь проблемы создавать — пожалеешь. Мы тут народ простой, но злой*»

Киrito прошёл через ворота. Первый шаг в мир людей. Сердце билось быстрее — хотя он не знал, есть ли у него сердце в том смысле, в котором оно есть у людей. Город был маленьким, но уютным. Узкие улочки, вымощенные камнем, деревянные дома, плотно прижатые друг к другу, словно они боялись одиночества. На рынке торговали овощами и мясом, женщины стирали бельё у колодца, дети бегали по улицам с криками и смехом. Обычная жизнь. Обычные люди. Они смотрели на него — мельком, без интереса. Чужой. Ещё один прохожий.

Киrito смотрел на них и чувствовал странную тоску. Они были живыми, настоящими. У них были семьи, дома, истории, мечты, страхи. У него не было ничего. Ни имени — до недавнего времени. Ни прошлого. Ни будущего. Ни места, куда можно было бы вернуться. Только пустота внутри и воспоминания о магических потоках Перекрёстка.

Он нашёл пустой дом на окраине города. Старый, заброшенный, с провалившейся крышей и выбитыми окнами. Хозяин — старик, который жил по соседству, разрешил ему остаться в обмен на работу. Старик был старым, почти прозрачным, с морщинистым лицом и слезящимися глазами.

— «*Мне нужен кто-то, кто починит крышу и наколет дрова, — сказал старик, щурясь на солнце, показывая без-*

зубый рот. — Ты вроде парень крепкий, хоть и бледный, как смерть. Работай — и я не буду платить налог за этот дом. Договорились?»

Кирито кивнул. Он был согласен на всё. Он улыбнулся старику — впервые в своей жизни. Улыбка была неуклюжей, слишком широкой, но она была искренней.

Он работал. Он строил. Он чинил. Он был сильнее обычного человека — намного сильнее. Он поднимал брёвна, с которыми едва справлялись двое мужчин. Он работал от рассвета до заката, не уставая, не зная усталости. Его руки не покрывались мозолями, его спина не болела. Люди смотрели на него с уважением и лёгкой опаской.

— «Сильный парень, — говорили они. — Настоящий работага. Где таких находят?»

Они не знали, что он скрывает. Руны на его теле всегда были скрыты под плотной одеждой, под слоями ткани, которые он никогда не снимал. Глаза — он старался не смотреть на солнце, иначе зрачки становились вертикальными, как у змеи. Он научился щуриться, чтобы скрыть цвет. Он научился контролировать дыхание, чтобы руны не светились во сне. Он научился быть человеком.

Год он жил в этом городе. Год он был своим среди чужих. Он помогал людям, чинил их дома, таскал тяжёлые грузы, спасал их от диких зверей. Они полюбили его. Дети бегали за ним, женщины улыбались, мужчины похлопывали по плечу. Он почти поверил, что он — человек. Почти.

А потом пришли монстры.

Дикие твари из леса — огромные, с горящими зелёным огнём глазами, покрытые чёрной чешуёй, с длинными когтями и острыми, как бритва, зубами. Они вышли из чащи ночью, когда город спал, когда луна спряталась за тучами, а ветер стих, будто тоже испугался. Они ворвались в дома, разрушали стены, убивали людей, сжирали детей. Крики разносились по улицам, перемежаясь с рёвом чудовищ.

Люди молились Громверу. Громвер не отвечал. Люди молились Судиславе. Судислава молчала. Они бежали, прятались, умирали.

Кирито слышал крики. Он не мог оставаться в стороне. Не мог, даже если бы хотел. Что-то внутри него — та самая пустота, которая требовала заполнения — толкало его вперёд. Он выбежал из дома и побежал к площади, где монстры терзали людей. Он не думал. Он просто действовал.

Руны на его теле вспыхнули — ярко, ослепительно, словно в них зажгли солнечный свет. Глаза загорелись алым. Тени вокруг него начали двигаться, подчиняясь его воле, превращаясь в когтистые руки, в копыта, в щиты. Он поднял руку, и тени обвились монстров, разрывая их на части, пожирая их тьму, обращая их силу против них самих. Он не знал, откуда взялась эта сила, но она была в нём, и она работала.

Он спас город.

Он уничтожил всех тварей. Всех до единой. Он стоял на площади, окружённый телами чудовищ, дыша тяжело и ча-

сто, руны на его теле мерцали, как угли в остывающем костре. Он чувствовал, как сила уходит из него, как пустота внутри него снова заполняется тишиной.

А потом он обернулся и увидел их.

Люди смотрели на него с ужасом. Они видели его глаза. Они видели его руны. Они видели, что он — не человек. Им было всё равно, что он только что спас их. Они видели только его красные глаза, его светящуюся кожу, его силу, которую нельзя объяснить молитвами Громверу.

— *«Демон!»* — закричала женщина, которую он спас первой, и в её голосе было столько ненависти, что Кирито отшатнулся.

— *«Мракос! Он послан Мракосом!»* — закричал старик, падая на колени и закрывая лицо руками.

— *«Убейте его! Это исчадие ада!»* — закричал кто-то третий, и толпа подхватила этот крик.

Кирито хотел сказать им: «Я спас вас. Я не враг. Я такой же, как вы. Только другой». Но слова застревали в горле. Он видел их лица, искажённые страхом и ненавистью. Он видел, как они поднимают камни, вилы, факелы. Он видел, как они идут на него.

Они сожгли его дом. Они сожгли всё, что он построил. Они гнались за ним до самого леса, крича и бросая камни, обещая смерть. Кирито бежал. Снова бежал. Он бежал так быстро, как только мог, петляя между деревьями, пробираясь через кусты, падая, вставая, снова падая. Он слышал их

крики за спиной, и они преследовали его даже в тишине леса.

Первый раз он бежал. Но не последний.

Пятьдесят лет спустя Кирито уже не был наивным. Он знал: люди боятся того, чего не понимают. Он научился скрываться лучше. Он носил амулеты, подавляющие его природу, купленные у тёмных торговцев в Приграничье. Он красил глаза специальными зельями, которые делали его зрачки круглыми, а радужку тёмно-карей, почти чёрной. Он менял имена каждые несколько лет, стирая все следы своего прошлого. Он стал тенью, которая проходит сквозь мир, не оставляя следов.

Во втором городе он был торговцем. Он продавал ткани и пряности, купленные у караванщиков из далёкого Фенрикара. У него была лавка на главной улице, рядом с рыночной площадью, где всегда былолюдно. Он был уважаемым человеком, платил налоги вовремя, жертвовал на храм Громвера. Никто не знал его тайны.

Он встретил её на рынке. Светловолосая, с зелёными глазами, она торговала цветами — розами, лилиями, полевыми травами. Она улыбнулась ему, и он забыл обо всех своих страхах. Она была прекрасна, как весеннее утро, и её улыбка согревала его так, как не могли согреть никакие амулеты и зелья.

Её звали Лира.

Они поженились через год. У них родились двое детей — мальчик и девочка. Они жили в доме с садом, где росли яб-

лони и розы, где дети бегали по траве и смеялись. Кирито был счастлив. Впервые за пятьдесят лет он чувствовал себя настоящим, живым, нужным. Он думал, что сможет жить так вечно. Он думал, что прошлое не догонит его. Он думал, что он — обычный человек, а всё остальное было просто сном.

Но однажды случился пожар. Соседний дом загорелся от молнии во время грозы. Внутри были дети — трое малышей, которые играли на чердаке и не успели выбежать. Люди стояли вокруг и не знали, что делать. Пламя уже охватило крышу, и дом рушился прямо на глазах. Кирито не думал. Он вбежал в огонь.

Он вытащил всех троих, одного за другим, вынося их из пламени, не получая ни ожога. Люди видели это. Они видели, как он прошёл сквозь огонь, как пламя не касалось его, как дым расступался перед ним. Они видели, как его глаза засветились алым, когда он выносил последнего ребёнка.

Кирито стоял на площади, держа ребёнка на руках, и смотрел на людей, которые расступались перед ним, как перед прокажённым. Они боялись его. Они ненавидели его. Они не видели, что он только что спас жизни. Они видели только то, что он — другой.

— *«Колдун!»* — закричал кто-то.

— *«Демон!»* — подхватили другие.

«Чистильщики» пришли ночью. Десять человек в чёрных плащах, с мечами и цепями, с нашивками в виде молнии на груди. Они ворвались в дом, не спрашивая разрешения. Ки-

рито сражался. Он не хотел убивать — он хотел защитить свою семью. Но их было слишком много. Он слышал крики Лиры, плач детей. Он видел, как они падают, как кровь заливает пол, как гаснут глаза его жены и его малышей. Он выжил. Он всегда выживал.

Он похоронил их на холме, где они гуляли по воскресеньям. Он сидел у могил три дня, не двигаясь, не говоря ни слова, не чувствуя ни голода, ни жажды. Он плакал впервые за много лет — слезами, которых не было, но которые жгли изнутри, как расплавленное стекло.

А потом он ушёл. Снова. В никуда. В пустоту.

В третьем городе он жил отшельником. В лесу, вдали от людей, среди диких зверей и древних деревьев. Он никому не доверял, ни с кем не сближался, никому не открывал своего лица. Он охотился, собирал травы, молился — но не богам, которых воспевали жрецы. Он молился тишине. Он молился Ремесу — тому, кого никто не знал, тому, кто был до всех, тому, чьё имя нельзя произносить вслух. Он чувствовал, что Ремес слышит его. Или, может быть, он просто слышал эхо собственного голоса в пустоте.

Он думал, что в одиночестве он будет в безопасности. Он ошибался.

Люди нашли him. Соседняя деревня, узнав о странном отшельнике в лесу, решила, что он — проклятый. Что он насылает болезни и неурожай, что он — слуга Мракоса, что его присутствие оскверняет землю. Они пришли с факелами

и вилами, как в первый раз, как всегда. Кирито не стал сражаться. Он просто ушёл. Глубже в лес. Дальше от людей. Он не смотрел на них, не говорил с ними, не молил о пощаде. Он просто исчез, как тень. На этот раз он не плакал. Он просто шёл. Снова. И снова. И снова.

Четвёртый город. Сто восемьдесят лет скитаний. Кирито потерял счёт годам. Он потерял счёт именам, которыми называл себя. Он потерял счёт всем, кого любил и терял. Он стал тенью, которая проходит сквозь мир, не оставляя следов.

В четвёртом городе он работал в таверне на окраине, где не задавали лишних вопросов и не смотрели в глаза слишком долго. Он мыл посуду, носил пиво, чинил стулья, выносил мусор. Ни с кем не сближался, ни с кем не говорил дольше нескольких слов. Он не позволял себе иметь друзей. Он знал: они умрут. Или предадут. Всегда одно из двух. Всегда боль. Всегда кровь.

Он проработал там шесть лет. Шесть лет он был идеальным слугой, невидимым и незаметным. Никто не знал его настоящего имени. Никто не видел его глаз. Он научился скрывать свою природу так хорошо, что иногда сам забывал, кем был на самом деле. Иногда ему казалось, что он действительно человек, что его прошлое — просто страшный сон.

Но один человек узнал его. Старый купец, который тридцать лет назад видел его в другом городе, когда Кирито ещё не умел так хорошо прятаться. Купец запомнил его глаза, за-

помнил руны, запомнил странный металлический звон в его голосе. Он донёс «Чистильщикам» за награду.

«Чистильщики» пришли в таверну ночью. Они ворвались, как всегда, с мечами и цепями, с нашивками в виде молнии. Кирито снова бежал. Снова один. Снова ни с чем. Он выпрыгнул в окно, разбив стекло, и побежал по крышам, как животное. Он бежал, не оглядываясь, не думая, куда бежит, просто убегая от прошлого, которое никогда не отпускало его.

Он стоял на дороге, ведущей в Дикие земли, и смотрел на горизонт. Он был уставшим. Нет. Он был сломленным. Разбитым на тысячи осколков. Он не хотел больше скрываться. Не хотел больше убегать. Не хотел больше пытаться.

Он решил: он уйдёт в Дикие земли. Он найдёт место, где его никто не найдёт. Он исчезнет. Навсегда. Он больше не будет никому причинять боль. Он больше не будет причинять боль себе.

Он шагнул на тропу, ведущую в неизвестность. Шаг, который изменит всё.

ГЛАВА 2. ДИКИЕ ЗЕМЛИ

Кирито шёл по Диким землям уже несколько недель. Возможно, месяцев. Он потерял счёт времени, как потерял счёт всему остальному. Здесь не было дорог, не было деревень, не было никаких признаков человеческого присутствия — только бесконечные леса, болота, горы и небо, которое казалось слишком большим, слишком чужим, слишком равнодушным к его страданиям. Он шёл и шёл, не зная, куда идёт, не зная, зачем идёт, просто ставя одну ногу перед другой, как машина, как механизм, который не может остановиться, даже когда его создатель давно забыл о нём.

Его чёрный плащ с красной оторочкой, когда-то аккуратный и тёмный, теперь превратился в грязные лохмотья, изорванные ветками, пропитанные дождём и потом. Чёрные волосы, когда-то падавшие на глаза, спутались в колтуны и торчали в разные стороны, придавая ему вид безумца, бродящего по пустошам. Его бледная кожа, и без того пепельная, стала ещё бледнее от постоянного недосыпа и голода — хотя он не чувствовал голода, его тело всё равно менялось, отражая его внутреннее состояние. Тонкий шрам на правой скуле, пересекающий лицо, поблёскивал в тусклом свете, как серебряная нить на сером полотне. Его красные глаза, яркие и горячие, потускнели — в них почти не осталось жизни, только бесконечная усталость и желание исчезнуть.

Он не знал, сколько времени прошло. Дни, недели, месяцы слились в одно бесконечное мгновение, в котором не было ни начала, ни конца. Иногда ему казалось, что он идёт уже год, иногда — что всего несколько часов. Он потерял счёт ночам, потерял счёт дождям и снегам, потерял счёт всему, что могло бы дать ему ориентир в этом бесконечном хаосе.

Здесь магия текла свободно, как вода в горной реке. Он чувствовал её кожей, каждой руной на теле, каждым нервным окончанием. Дикие земли дышали магией — она была в воздухе, в воде, в земле под ногами, в каждом камне и каждом листе. Иногда, когда он останавливался и закрывал глаза, он мог слышать, как магия поёт — низкий, тягучий звук, который вибрировал в его костях, напоминая ему о том, что он — часть этого мира, даже если сам мир не хочет его признавать. Здесь не было людей. Здесь не было «Чистильщиков». Здесь не было никого, кто мог бы причинить ему боль, никого, кто мог бы предать его, убить его, сжечь его дом. Здесь была только бесконечность, в которой он мог раствориться, исчезнуть, стать ничем.

Но его тело отказывалось умирать.

Он не чувствовал усталости — его ноги продолжали идти, даже когда сознание хотело остановиться. Не чувствовал голода — его желудок был пуст, но он не испытывал потребности в еде. Не чувствовал боли — он падал с обрывов, натёкался на острые камни, пробирался через колючие кусты, и его тело заживало мгновенно, не оставляя следов. Его те-

ло было создано для выживания — и оно выживало, несмотря на его желание умереть. Он проклинал свою природу. Он проклинал Ремеса за то, что тот создал его таким. Он проклинал себя за то, что не может умереть.

Он поднимался на вершины гор, чтобы броситься вниз, и его тело приземлялось на камни, не получая ни перелома, ни царапины. Он входил в ледяные реки, чтобы утонуть, и его лёгкие отказывались наполняться водой. Он вступал в схватки с дикими монстрами, надеясь, что кто-то из них окажется сильнее, — но даже самые опасные твари падали перед ним, разорванные его тенями, сожжённые его магией. Он не мог умереть. Он не мог даже поранить себя, чтобы почувствовать хоть что-то, кроме пустоты.

Иногда, когда он сидел у одинокого костра, разведённого магией, он поднимал руки к небу и смотрел на светящиеся руны на своей коже. Они мерцали фиолетовым и алым, как живые, как напоминание о том, что он — не человек. Он шептал в пустоту: «Ремес... если ты слышишь меня... забери это. Забери мою жизнь. Я не хочу быть здесь». Но пустота не отвечала. Только ветер шумел в ушах, да звёзды смотрели на него холодно и равнодушно.

Он встретил шамана на пятый день пути. Или на пятнадцатый. Или на пятидесятый. Кирито уже не мог быть уверен. Старик сидел у костра посреди леса, когда Кирито проходил мимо, едва передвигая ноги, его взгляд был пустым, а шаги — механическими. Старик не обернулся, когда Кирито

приблизился. Он не поздоровался, не спросил, кто он и откуда. Он просто сказал голосом, который звучал как шелест сухих листьев, как шёпот древнего леса, помнящего времена до людей:

— *«Ты старый. Я чувствую это. В тебе много лет — как слоёв в древнем камне, как колец в дереве, которое росло тысячу лет. Ты носишь в себе века, как ношу, которую не можешь сбросить. Но ты не старый. Ты уставший. Это хуже. Когда человек стареет, он мудреет, он находит покой в своих годах. Когда человек устаёт, он умирает внутри, даже если тело живёт дальше. Ты умер внутри, мальчик. Твоя душа уже ушла, улетела куда-то далеко, а тело не хочет отпускать тебя, не даёт тебе покоя»*

Кирито остановился. Он стоял неподвижно, глядя на старика, который сидел у огня и помешивал что-то в котелке. Он не боялся его — он вообще не боялся ничего, кроме одного: того, что никто не боится его, потому что все давно перестали замечать его существование. Он смотрел на старика, который не видел в нём угрозы, не видел демона, не видел монстра — просто человека, который пришёл, чтобы умереть, но не смог.

— *«Ты кто?»* — спросил Кирито. Голос его был хриплым от долгого молчания, от того, что он не говорил ни с кем месяцами, от того, что его голосовые связки почти забыли, как рождают звуки. Слова выходили с трудом, как камни, которые вытаскивают из колодца.

— «Тот, кто видит, — улыбнулся старик, и его лицо про-
резали глубокие морщины, как трещины на высохшей земле,
как русла высохших рек, как следы времени, которое прошло
через него. — Садись, усталый путник. Ешь. Пей. Отды-
хай. Ты устал больше, чем можешь себе представить. Твоя
усталость — это не просто усталость тела. Это уста-
лость души, которая устала бороться. Я помогу тебе, если
ты позволишь. Если ты готов принять помощь»

Кирито сел. Он не доверял никому — но старик не смот-
рел на него со страхом. Он смотрел на него с состраданием. С
пониманием. С древней мудростью, которая не боится тьмы,
потому что она сама прошла через неё. Кирито опустился на
землю, чувствуя, как холод пробирается сквозь его изорван-
ный плащ, и смотрел на огонь, который плясал в костре, от-
брасывая длинные тени на деревья.

— «Ты ищешь смерть, но не находишь её, — сказал ша-
ман, помешивая что-то в котелке над костром. Дым под-
нимался вверх, смешиваясь с запахом трав и старого дерева,
с запахом земли и дождя. — Твоё тело отказывается уми-
рать. Ты проклинаешь его за это. Но ты не понимаешь: ты
нужен живым. Не мёртвым. Твоя смерть не принесёт покоя
ни тебе, ни тем, кто ищет тебя. Она принесёт только пу-
стоту — и мир потеряет того, кто мог бы его изменить»

— «Кому нужен? — горько усмехнулся Кирито, и его смех
был похож на плач, на вой раненого зверя, на крик, кото-
рый никто не слышит. — Людям? Они ненавидят меня. Они

хотят убить меня. Они сожгли мой дом, убили мою жену, моих детей. Они выгнали меня, как собаку. Богам? Они не замечают меня. Я — никому не нужен. Я пустое место, которое никто не заполнит. Я тень, которая не отбрасывает тени»

— «Ты ошибаешься, — покачал головой шаман, и в его глазах мелькнула искра древнего огня, которую не могли погасить годы и усталость. — Ты нужен тем, кто ещё не родился. Тем, кто будет искать тебя, когда мир рухнет. Тем, кто будет ждать тебя на границе миров. Ты — мост. Между мирами. Между людьми и тем, чего они боятся. Ты можешь создать что-то новое. Или уничтожить всё. Выбор за тобой. Только за тобой»

Кирито молчал. Он не верил старику. Но он остался. На три дня.

Три дня он сидел у костра, слушая голос шамана. Старик учил его слушать ветер — не просто слышать, как он шумит в листве, а чувствовать его дыхание, понимать его настроение, различать голоса духов, которые живут в ветре. Он учил его договариваться с духами леса, которые охраняют свои владения, с духами воды, которые живут в реках и ручьях, с духами камня, которые помнят всё, что когда-либо происходило на этой земле. Он учил его чувствовать магию земли, как пульс живого существа, как биение сердца мира.

— «Магия — это не просто сила, — говорил шаман, глядя на огонь. — Магия — это язык. Это способ говорить с

миром, с духами, с самой реальностью. Ты умеешь использовать силу — но ты не умеешь говорить. Ты приказываешь, вместо того чтобы просить. Ты ломаешь, вместо того чтобы строить. Ты должен научиться слушать. И тогда ты сможешь создать что-то настоящее»

Шаман показал Кирито, как использовать свою силу не для разрушения, а для созидания. Как заживлять раны, а не наносить их. Как строить, а не ломать. Как слушать, а не приказывать. Он учил его видеть красоту в простых вещах — в том, как ветер играет с листьями, как вода бежит по камням, как огонь пляшет в ночи.

— «Ты — не человек и не демон, — сказал шаман в последний день, когда костёр догорал, а звёзды зажигались на небе, одна за другой, как глаза древних богов, которые смотрят на мир с высоты. — Ты — нечто большее. Ты — Изгнанный, но не потому, что тебя изгнали люди. Ты изгнал себя сам, отказываясь принять свою природу. Ты боишься себя, мальчик. Ты боишься своей силы, своей сущности, своего предназначения. Ты должен принять её. И тогда ты сможешь построить свой мир — мир, в котором ты не будешь бояться»

Кирито ушёл. Он не верил старику — но слова застряли в его голове, как заноза, как семя, которое ждало времени, чтобы прорасти. Они шептали ему по ночам, когда он лежал на холодной земле и смотрел на звёзды, когда ветер шумел в ветвях и напоминал ему о том, что он не один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.